

Альберт

Белая комната

Альтер М.
Белая комната

«Автор»

2026

М. А.

Белая комната / А. М. — «Автор», 2026

Он просыпается в абсолютно белой комнате без дверей и окон. Рядом с ним — испуганный мальчик лет десяти и отрешенный старик. На стене появляются леденящие душу задания: «Покормите ребенка», «Убейте старика». За невыполнение комната безжалостно сжимается, грозя раздавить пленников. Чтобы выжить, они должны разгадать главную тайну: все трое — один человек, искусственно разделенный на три возраста. Их прошлое, настоящее и будущее вступают в диалог, и от того, смогут ли они принять друг друга, зависит не только их свобода, но и судьбы тысяч других душ, запертых в лабиринте между мирами. Психологический триллер о вине, искуплении и силе, которая рождается, когда человек наконец становится целостным.

© М. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Пробуждение в молоке	5
Глава 2. Анатомия выбора	13
Глава 3. Хор голосов	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Альтер М. Белая комната

Глава 1. Пробуждение в молоке

Тишина обрушилась на него не сразу. Сначала был звук — низкий, утробный гул, вибрирующий где-то в основании черепа, словно огромный камертон, забытый в фундаменте мироздания, всё ещё дрожал после чьего-то удара. Этот гул медленно истончался, превращаясь в звон, в звенящую пустоту, а потом исчез, оставив после себя абсолютную, первозданную тишину, которая не была похожа ни на что, слышанное им прежде. Это была тишина не отсутствия звука, а тишина присутствия пустоты. Тишина, имеющая вес и плотность.

Он открыл глаза и не увидел ничего.

Это «ничто» было особенным. Оно не было черным, не было серым, не было наполнено теми разноцветными пятнами, которые обычно плавают перед глазами в темноте. Оно было белым. Идеально, стерильно, вызывающе белым. Белым настолько, что это казалось физическим воздействием, будто сам свет проник под веки и выжег там всё, оставив лишь молочную, непроницаемую пелену.

Первая мысль была вялой и какой-то чужеродной, словно мысль не его, а подселенная в голову: «Я ослеп?». Он моргнул. Ощущение движения век было, но картинка не изменилась. Белая пелена оставалась ровной и безмятежной. Он попытался поднести руку к лицу, чтобы проверить, и это простое действие далось с трудом. Конечности были ватными, непослушными, как после долгого сна или глубокого наркоза. Наконец ему удалось поднять правую руку и приблизить ладонь почти вплотную к носу. Он увидел её.

Она появилась из белизны неожиданно, будто выплыла из молочного тумана. Обычная мужская ладонь, длинные пальцы с аккуратно подстриженными ногтями, линии жизни, судьбы, сердца, пересекающие кожу. Он видел её отчетливо, в мельчайших деталях, но то, что было за ней, и то, что было вокруг неё, оставалось все той же ровной, светящейся белизной. Он не ослеп. Он находился внутри белизны.

Сознание начало работать быстрее, продираясь сквозь густую пелену оцепенения. Пришли вопросы. Кто он? Где он? Как он здесь оказался? Последний вопрос отозвался глухой, пугающей пустотой в голове. Там, где должны были храниться воспоминания о вчерашнем дне, о прошлом годе, о собственном имени, зиял провал. Не было никаких образов, никаких обрывков фраз, никаких лиц. Только эта белая комната — или что бы это ни было — и он сам, лежащий на чем-то твердом и ровном.

Он пошевелился, и тело отозвалось слабой болью в затекших мышцах. Опираясь на локти, он медленно, очень медленно принял сидячее положение. Пол, на котором он лежал, был неотличим от стен и потолка — такой же матово-белый, идеально гладкий, без единого стыка, шва или трещины. Он не был ни теплым, ни холодным. Он был никаким. Проведя по нему ладонью, мужчина не почувствовал текстуры. Ни шероховатости, ни скользкости. Только гладкость, граничащую с отсутствием вещества.

Он сидел, скрестив ноги, пытаясь собрать воедино осколки собственной личности. Это было мучительно и бесплодно. Он знал базовые вещи: что такое стул, хотя стула не было, что такое небо, хотя неба не было, что такое боль, страх, голод. Он знал язык, он мог мыслить и анализировать. Но любое воспоминание, касающееся его самого, его жизни, его связей с миром, ускользало, растворялось в этой молочной белизне, как только он пытался к нему прикоснуться. Он был сосудом, наполненным информацией о мире, но из которого начисто вымыли информацию о нём самом.

Страх пришел не сразу. Сначала было недоумение, похожее на то, какое испытываешь, проснувшись в незнакомом гостиничном номере, пока сознание не выхватит из памяти детали вчерашнего заселения. Но здесь не было никакого «вчера». Страх явился, когда он осознал абсолютную, довлеющую герметичность этого места. Он поднялся на ноги. Рост позволял — потолок был высоко, метрах в четырех. Он сделал несколько шагов. Пространство было не бесконечным. Комната. Самая обычная, кубическая комната. Он быстро определил её примерные границы — около шести шагов в длину и в ширину. Белый куб. Саркофаг из света.

Он подошел к тому, что должно было быть стеной, и коснулся её. Ощущение было тем же самым — ни тепла, ни холода, идеальная гладкость. Он надавил. Стена не прогнулась. Он постучал костяшками пальцев. Звук не было. Совсем. Костяшки прикасались к поверхности, он чувствовал вибрацию в своей руке, но никакой звуковой волны не рождалось. Тишина поглощала всё.

Он начал лихорадочно обследовать комнату, ощупывая каждую пядь стен, переходя от одного угла к другому. Углы были прямыми, стены сходились в них без щелей. Ни двери, ни окна, ни вентиляционной решетки, ни малейшего намека на то, что у этого пространства есть выход или вход. Он искал долго, наверное, целую вечность, отмеряемую лишь биением его собственного, всё ускоряющегося сердца. Ничего.

И когда паника, холодная и липкая, начала подниматься откуда-то из живота к горлу, он услышал звук.

Это был не его шаг, не его дыхание. Это был тихий, сдавленный всхлип. Человеческий звук. Детский плач.

Он замер на месте, сердце пропустило удар, а затем забилося где-то в горле. Звук шел из дальнего угла комнаты. Но когда он там был секунду назад, угол был пуст. Он был абсолютно уверен в этом. Он обернулся и увидел их.

Они появились ниоткуда. Просто в один момент комната была пуста, а в следующее мгновение в ней уже находились двое.

В углу, который он только что осматривал, сидел ребенок. Мальчик. На вид ему было около десяти лет. Он был одет в свободную серую футболку и такие же серые штаны из мягкой, похожей на хлопок ткани. Он сидел, подтянув колени к подбородку и обхватив их руками, и тихо плакал. Слезы беззвучно катились по его бледным щекам, но всхлипы, которые издавала его грудь, были единственным реальным звуком во всей вселенной этой комнаты.

А в противоположном углу, в нескольких метрах от мальчика, сидел старик. Он тоже был одет в серое и тоже сидел на полу, но поза его была иной. Он не сжимался в комок. Его спина, облаченная в мешковатую футболку, была прижата к стене, длинные, худые ноги вытянуты перед собой, а руки безвольно лежали на коленях, открывая ладони, испещренные пигментными пятнами и вздутыми венами. Голова старика была слегка наклонена вперед, редкие седые волосы разметались по плечам, а глаза, глубоко запавшие в глазницах, были закрыты. Он казался спящим или глубоко погруженным в себя.

Мужчина стоял в центре этой композиции, переводя взгляд с одного на другого и чувствуя, как волосы на затылке начинают шевелиться от ужаса, смешанного с иррациональным, абсурдным чувством узнавания. Он не мог знать их. У него не было памяти. Но где-то на самом дне его опустошенного «я» что-то трепыхалось, билось в истерике, кричало: «Ты знаешь их! Ты всегда их знал!».

— Эй, — позвал он, и его голос прозвучал глухо, как сквозь вату. Он ожидал, что его слова тоже поглотит тишина, но нет. Звук родился и пронесся по белому кубу, заставив мальчика вздрогнуть и поднять голову.

Взгляд ребенка встретился с его взглядом. Это были глаза человека, пережившего нечто ужасное. Серо-голубые, широко распахнутые, с красными прожилками от слез, они смотрели на мужчину с мольбой, надеждой и животным страхом одновременно.

— Вы... вы кто? — голос мальчика сорвался, он шмыгнул носом и вытер его тыльной стороной ладони. — Где моя мама? Где я?

Мужчина открыл рот, чтобы ответить, но не нашел слов. Что он мог сказать? «Я не знаю»? «Я здесь такой же пленник, как и ты»? Он сам был воплощением растерянности. Пока он молчал, старик в своем углу издал звук. Это был не кашель. Это был долгий, тяжелый, скрипучий выдох, похожий на звук, с которым оседает старый, отсыревший дом. Глаза старика медленно, словно створки древних ворот, открылись.

В отличие от испуганных, полудетских глаз мальчика, глаза старика были другими. Они были выпуклыми, почти белесыми, но не слепыми. В них светился ум, но ум усталый, пресыщенный, прошедший через все круги познания и остановившийся где-то у последней черты. Он посмотрел на мальчика, потом на мужчину. В его взгляде не было удивления. Только бесконечная, глубокая, как Марианская впадина, печаль.

— Значит, всё начинается сначала, — произнес старик. Голос у него был тихий, надтреснутый, шуршащий, как страницы старой книги. Он говорил не с вопросительной интонацией, а с утвердительной, словно подтверждая давно и хорошо известный ему факт.

— Что начинается? — резко спросил мужчина, делая шаг к старику. Ему нужна была информация, хоть какая-то зацепка. — Что это за место? Как мы здесь оказались?

Старик не ответил. Он лишь медленно перевел взгляд на мальчика, который, заинтересовавшись, перестал плакать и теперь смотрел на старика с детским, настороженным любопытством. А потом старик сказал мальчику, мягко, почти ласково:

— Не бойся, маленький. Пока не бойся. Время страха еще придет.

Эти слова не успокоили. Наоборот, они наполнили пространство липким, осязаемым ужасом. Мужчина почувствовал прилив злости. Не на старика, не на мальчика, а на саму эту ситуацию, на эту белую тюрьму, на собственную пустую память. Он снова повернулся к стене, которую обследовал до этого, и со всей силы ударил по ней кулаком. Кожа на костяшках лопнула, но боли он почти не почувствовал. Стена не издала ни звука, даже вибрация, переданная в руку, была минимальной, словно он ударил не в твердую поверхность, а в толщу вязкого, но непробиваемого геля.

— Бесполезно, — прокомментировал старик из своего угла. — Трата сил. Единственный ресурс, который здесь по-настоящему ценен, а ты его растрачиваешь на гнев.

Мужчина резко обернулся. На его лице, уже покрывшемся легкой испариной, читалась ярость.

— Что ты знаешь?! Говори! Ты, кажется, понимаешь больше нас. Что это за место?!

— Это комната, — спокойно ответил старик, не меняя позы. — Белая комната.

— Я и сам вижу, что комната! — выкрикнул мужчина. — Как мы сюда попали? Как отсюда выбраться?

— Никак, — ответил старик. — Отсюда нет выхода.

Его слова упали в тишину, как тяжелые камни. Мальчик, который только начал успокаиваться, снова всхлипнул, но уже без слез, просто от отчаяния, которое он, возможно, не понимал умом, но чувствовал своей детской душой. Мужчина замер. Слова старика не были похожи на бред сумасшедшего или догадку испуганного человека. В них звучало знание. Холодное, обреченное знание.

— Выход есть всегда, — упрямо сказал мужчина, хотя в его голосе уже не было прежней уверенности.

— Выход из могилы? — старик впервые слегка повернул голову, чтобы прямо посмотреть на мужчину. — Выход из чрева матери? Есть пространства, из которых можно выйти, только перестав быть собой. А иногда и это не помогает.

Он замолчал, и в наступившей тишине стал слышен только звук дыхания. Три человека дышали в такт: ребенок, мужчина, старик. Три разных ритма, которые тем не менее сплетались

в одно жуткое, диссонирующее созвучие. Мужчина чувствовал, что сходит с ума. Это была самая настоящая сенсорная депривация, приправленная абсурдным обществом двух незнакомцев, которые почему-то казались ему чудовищно, тошнотворно знакомыми.

Он перевел взгляд на мальчика. Тот смотрел на него снизу вверх. Те же серо-голубые глаза. У мужчины вдруг пересохло во рту. Он резко перевел взгляд на старика. Тот уже снова прикрыл свои белесые глаза, но очертания надбровных дуг, линия скул... Если убрать морщины, убрать дряблую кожу, прибавить мышечной массы... У него тоже были серые глаза. Он знал это, хотя старик сейчас и не смотрел на него.

Рука мужчины непроизвольно дернулась к собственному лицу. Он провел пальцами по лбу, по носу, по подбородку, пытаясь представить себя со стороны. Он не помнил своего лица. Он мог видеть руки, ноги, тело, но собственное лицо было скрыто от него завесой амнезии.

— Кто вы? — прошептал он, обращаясь уже не к ним, а скорее в пустоту. — Кто мы?

Ответом ему была тишина. А потом белая стена, на которую он смотрел прямо перед собой, изменилась.

Это произошло беззвучно и плавно. Никакого света, проецируемого из неизвестного источника. Никакого движения частиц. Просто в толще самой стены, из самой её белой, стерильной сути, начали проступать буквы. Они были черными, матовыми, четкими, словно набранными строгим, рубленным шрифтом. Они появлялись одно за другим, медленно и неотвратимо, складываясь в слова, а слова — в предложения.

Мужчина застыл, не в силах отвести взгляд. Мальчик, заметив перемену в его позе, тоже уставился на стену и тихо ахнул. Старик же, напротив, даже не пошевелился. Он лишь глубоко вздохнул, и этот вздох был полон такой тоски, что, казалось, мог бы наполнить целый океан.

Надпись на стене гласила:

ЗАДАНИЕ НОМЕР ОДИН.

ПОКОРМИТЕ РЕБЕНКА.

ВРЕМЯ ДО ВЫПОЛНЕНИЯ: 60 МИНУТ.

НАГРАДА: СОХРАНЕНИЕ ТЕКУЩЕГО ОБЪЕМА ПРОСТРАНСТВА.

НАКАЗАНИЕ: УМЕНЬШЕНИЕ ОБЪЕМА ПРОСТРАНСТВА НА 30%.

Текст был на русском языке. Четкий, ясный, лишенный какой-либо двусмысленности. Он был деловым, как инструкция к бытовому прибору, и от этого его содержание казалось еще более сюрреалистичным и пугающим.

Первым, как ни странно, отреагировал мальчик. Он поднялся на ноги, подошел поближе к стене и прочитал вслух, по слогам, словно проверяя, не ошибся ли он:

— По-кор-ми-те ре-бен-ка... Это... это мне? Меня надо покормить? — в его голосе звучала надежда, смешанная с детским эгоцентризмом. — А у вас есть еда?

Он смотрел на мужчину, ожидая ответа. Мужчина, чье сознание все еще пыталось переварить увиденное, тупо оглядел свои пустые руки и пустую комнату. Еды здесь не было. Не было даже намека на нее.

— Еды нет, — констатировал он очевидный факт.

— Но тогда... тогда что будет? — страх снова начал завладевать ребенком. — Она уменьшится? Комната уменьшится? А мы?

— А мы останемся того же размера, — впервые за долгое время подал голос старик. Он говорил, не открывая глаз, будто сам процесс говорения требовал от него усилий. — И когда комната станет меньше, у нас станет меньше места. Сначала исчезнет иллюзия свободы. Потом нам станет тесно. Потом мы не сможем вытянуть ноги. А потом...

Он не закончил. Мужчина и без того понял. Картинка, яркая и омерзительная в своей реалистичности, вспыхнула в его мозгу: трое людей, раздавленных сходящимися стенами, размазанных по безупречно белому полу. Он тряхнул головой, отгоняя наваждение.

— Мы не будем сидеть сложа руки! — воскликнул он и снова принялся ощупывать стены, на этот раз в том месте, где появилась надпись. Он пытался найти скрытый люк, дверцу, тайник. Он колотил по стене, пинал ее, царапал ногтями. Ничего. Его действия не имели ни малейшего эффекта. Мальчик, наблюдая за ним, снова заплакал, теперь уже громко, в голос, размазывая слезы по щекам.

— Я есть хочу! — рыдал он. — Я правда есть хочу! И пить! Сделайте что-нибудь! Вы же взрослые! Почему вы ничего не делаете?!

Этот детский крик, полный нестерпимой, требовательной муки, резанул мужчину по живому. В нем проснулось что-то древнее, родительское. Он перестал терзать стены, подошел к мальчику и опустился перед ним на корточки. Теперь их лица были на одном уровне.

— Послушай меня, — сказал он, стараясь, чтобы его голос звучал спокойно и уверенно, хотя внутри у него все kloкотало от ужаса. — Мы что-нибудь придумаем. Мы обязательно что-нибудь придумаем. Мы выберемся отсюда. Но сейчас ты должен постараться успокоиться. Слезы нам не помогут. Договорились?

Мальчик шмыгнул носом и посмотрел на мужчину. В его заплаканных глазах читалась такая бездна доверия и отчаянной надежды, что мужчине стало дурно. Он лгал. Он понятия не имел, что делать. Но он должен был лгать, чтобы этот ребенок не сошел с ума прямо здесь и сейчас.

— Как тебя зовут? — спросил мужчина, чтобы переключить внимание.

Мальчик нахмурился, задумался. Прошло несколько долгих секунд. В его глазах мелькнула та же пустота, которую мужчина чувствовал в себе. Паника исказила его лицо.

— Я... я не знаю, — прошептал он дрожащим голосом. — Я не помню.

Конечно, он не помнил. Они были в равных условиях. Чистые листы, помещенные в белую папку.

— Хорошо, — мягко сказал мужчина. — А меня можешь называть... — он запнулся. А как он сам себя называет? У него нет имени. Он никто. Но мальчик ждал. Надо было придумать хоть что-то. — Называй меня Средний.

— Средний? — переспросил мальчик, и в его голосе проскользнула детская насмешка над нелепостью имени. — А почему Средний?

— Потому что ты — младший, — мужчина кивнул в сторону старика, — он — старший, а я между вами. Средний. Это для удобства.

Мальчик обдумал это. Логика была простой и понятной, а ребенку, потерянному и напуганному, именно такая логика и была нужна. Он кивнул.

— А я тогда Младший, — сказал он с внезапной, почти воинственной гордостью. — Так меня еще никто не звал.

— Вот и познакомились, — Средний выдавил из себя слабое подобие улыбки.

Время, отведенное невидимым кукловодом, шло. Прошло десять минут, пятнадцать. Атмосфера в комнате становилась все более гнетущей. Младший, устав от слез, сидел в углу, свернувшись калачиком, и клевал носом. Голод и пережитый стресс сделали свое дело — его клонило в сон. Старший не двигался. Он сидел как изваяние, погруженный в свой внутренний мир, который, судя по его лицу, был не многим приятнее внешнего. Средний метался по комнате, как зверь в клетке, лихорадочно обдумывая варианты. Задание было до безумия простым и до безумия невыполнимым. «Покормите ребенка». Как? Чем? Воздухом? Собственной плотью? Мысль была дикой, но он обдумал и ее, представив, как отрывает кусок от своей руки и протягивает его мальчику. Его замутило.

Пятьдесят пять минут. Пятьдесят семь. Средний подошел к Старшему.

— Ты знал, — сказал он сквозь зубы. — Ты знал, что так будет. Почему ты ничего не делаешь? Ты хочешь умереть? Хочешь, чтобы нас раздавило?

Старший медленно поднял на него свои выцветшие глаза.

— Я хочу, чтобы это наконец закончилось, — ответил он. — В любой форме. Но это не закончится. Оно никогда не заканчивается. Разве ты еще не понял? Мы не можем выполнить задание. У нас нет еды. Это ловушка. Первое задание всегда — приговор. Оно дано, чтобы сломать нас сразу.

— Что значит «всегда»? — ухватился за слово Средний. — Ты говоришь так, будто это повторяется! Что ты помнишь?!

Но Старший снова закрыл глаза, уйдя в свою скорлупу безразличия. Он ничего не ответил. В этот момент на стене, рядом с первой надписью, появилась новая строка. Это был таймер. Цифры, черные на белом, четко отсчитывали последние секунды.

00:03... 00:02... 00:01...

Младший проснулся от внезапного, ледящего душу ощущения опасности и вскочил на ноги.

00:00.

ЗАДАНИЕ НЕ ВЫПОЛНЕНО.

ПРИМЕНЯЕТСЯ НАКАЗАНИЕ.

Средний инстинктивно прижался спиной к стене, которая была напротив той, где светился текст, и раскинул руки, словно пытаясь защитить двоих своих товарищей по несчастью от неведомой угрозы. Младший с криком бросился к нему и вцепился в его штанину. Даже Старший, казалось, вышел из своего транса и напрягся, хотя и не двинулся с места.

Первые несколько мгновений ничего не происходило. А потом они услышали звук.

Это был низкий, инфразвуковой гул, который не столько слышался ушами, сколько ощущался всем телом. Внутренности задрожали, зубы заныли, воздух стал плотным и тяжелым. А потом стены пришли в движение. Все четыре стены одновременно, а вместе с ними и потолок, начали двигаться внутрь. Это не было скольжением панелей по направляющим. Это было плавное, органическое, жуткое сокращение, словно сама комната была живым существом, которое делало судорожный вдох.

Средний смотрел на это, широко раскрыв глаза. Потолок опускался. Стены сближались. Иллюзия того, что комната велика, исчезла без следа. Теперь это был не куб со стороной в шесть шагов, а ощутимо меньшее пространство. Процесс занял всего несколько секунд и завершился с тем же низким, вибрирующим стоном, прошедшим через их кости.

Тишина, наступившая после, была оглушительной.

Средний огляделся. Изменение было разительным. Если раньше они могли свободно ходить, не задевая друг друга, то теперь комната сократилась примерно на треть, как и было обещано. Стало ощутимо теснее. Теснее и от этого в разы страшнее. Психологический эффект был куда сильнее физического. Стены давили на сознание, сам воздух, казалось, сгустился.

Младший дрожал всем телом, прижимаясь к ноге Среднего.

— Она... она стала меньше... — прошептал он. — Мы умрем? Мы все умрем?

— Нет, — твердо сказал Средний, хотя сам уже ни в чем не был уверен. — Мы не умрем. Мы просто... нам просто нужно понять правила.

Он посмотрел на стену, где раньше был текст. Старая надпись исчезла. Вместо нее, после небольшой паузы, начали проявляться новые буквы. Они были такими же черными, четкими и беспощадными.

ЗАДАНИЕ НОМЕР ДВА.

УБЕЙТЕ СТАРИКА.

ВРЕМЯ ДО ВЫПОЛНЕНИЯ: 120 МИНУТ.

НАГРАДА: ВОЗВРАЩЕНИЕ К ИСХОДНОМУ ОБЪЕМУ ПРОСТРАНСТВА + ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ РЕСУРС.

НАКАЗАНИЕ: УМЕНЬШЕНИЕ ОБЪЕМА ПРОСТРАНСТВА НА 50%.

Надпись горела ровно, не мигая. Слова были простыми и чудовищными. «Убейте старика». Средний прочитал ее несколько раз, как замороженный, отказываясь верить своим глазам. Он обернулся. Младший, который тоже умел читать, смотрел на текст. Его лицо побелело, став почти такого же цвета, как стены. Он не плакал. Он был в ступоре, за гранью слез. Старший же, наоборот, не глядя на стену, издал звук, похожий на смешок, — сухой, безрадостный, как шелест крыльев умирающей птицы.

— Вот видишь, — проскрипел он. — А ты спрашивал, почему я ничего не делаю. Теперь ты понимаешь? Это не игра в угадку. Это анатомический театр.

Средний смотрел на старика. В голове у него был полный хаос. Убить человека. Совершить невозможное, немислимое, чудовищное действие. За это им обещают возвращение к исходному объему и какой-то «дополнительный ресурс». Может быть, еду? Может быть, воду? Может быть, ключ? Но цена — жизнь этого странного, отрешенного старика.

— Я не буду этого делать, — сказал Средний с отвращением, обращаясь к стене, к комнате, к тому, кто установил эти правила. — Слышите меня? Я не стану убивать. Мы найдем другой выход.

— Другого выхода нет, — произнес Старший, и на этот раз в его голосе не было ни злорадства, ни отчаяния. Была усталая констатация факта. — Это ловушка, в которой любой выбор — это шаг к гибели. Не убивай меня сейчас, комната сожмется так, что мы не сможем дышать. Убей — и ты сломаешь себя, а следующее задание будет еще страшнее. Ты сам выбираешь форму своей смерти. Только и всего.

— Зачем ты так говоришь?! — крикнул Средний. — Ты же должен бороться! Ты должен хотеть жить!

— Я не хочу жить, — ответил Старший. — Я устал.

Младший, который все это время молчал, вдруг оторвался от ноги Среднего и сделал несколько шагов в сторону. Он смотрел на Старшего странным, совершенно не детским взглядом. Взглядом, в котором читалась работа мысли. Тяжелой, непосильной для ребенка мысли.

— А если его убить, нам дадут еду? — спросил он тихо, и от этого тихого вопроса у Среднего кровь застыла в жилах.

— Что ты сказал? — переспросил он, не веря своим ушам.

— Я говорю, — Младший повысил голос, и в нем зазвенели истерические нотки, — может, там, в награде, будет еда? «Дополнительный ресурс» — это же может быть еда, да? А он, — мальчик ткнул пальцем в старика, — он старый! Он сам говорит, что не хочет жить! Он уже все прожил, а я еще нет! Я не хочу, чтобы меня раздавило!

Глаза мальчика наполнились слезами, но это не были слезы горя или страха. Это были слезы ярости, дикой, первобытной воли к жизни. И в этот момент Средний увидел в его лице что-то такое, от чего ему стало невыносимо, до тошноты страшно. Он увидел себя. Не в переносном смысле, не как в зеркале. Он увидел ту же самую линию подбородка, тот же самый разрез глаз, который он только что ощупывал на своем лице. У Младшего не было морщин, у него была чистая, нежная кожа, но это было то же самое лицо. У Старшего лицо было испещрено глубокими складками, старческими пятнами, кожа обвисла, но скулы, лоб, форма ушей — это было то же самое лицо.

Мир покачнулся.

Средний поднес руку к голове и с силой сжал виски. Кусочки пазла, которые он отказывался замечать, начали складываться в чудовищную, невероятную, немыслимую картину. Отсутствие памяти. Их появление из ниоткуда. Их необъяснимое, глубинное сходство. Слова Старшего: «Это анатомический театр». Его усталость от бесконечного повторения. И эти задания. Покормить ребенка. Убить старика. Прошлое и будущее. Начало и конец.

Он посмотрел на свои руки. Руки взрослого, сильного мужчины в самом расцвете лет. Руки Среднего. Того, кто находится посередине. Того, кому дана сила и кому дан выбор. Он — это они. Они — это он. Прошлое, которое плачет в углу и хочет жить. Будущее, которое устало и мечтает о покое. И настоящее, которое мечется между ними, зажатое в белом кубе, обреченное выбирать, какую часть себя убить.

— Нет, — прошептал он. — Этого не может быть.

— Может, — тихо ответил Старший, впервые за долгое время глядя на него с чем-то похожим на сочувствие. — Ты сам всегда это знал. Просто тебе нужно было время, чтобы вспомнить.

И в абсолютной, довлеющей тишине белой комнаты, где время текло по своим, неведомым законам, Средний стоял и смотрел на самого себя. На себя в возрасте десяти лет, когда жизнь кажется вечной, и готов на все, чтобы сохранить ее. На себя в возрасте семидесяти, когда жизнь кажется клеткой, и ты мечтаешь лишь о том, чтобы она наконец захлопнулась. И на себя настоящего, который должен принять решение.

Гул возобновился. Стены дрогнули. Время второго задания пошло. А на белой поверхности, кроме основного текста, загорелся еще один символ. Маленький, незаметный, но различимый. Символ в виде змеи, кусающей себя за хвост. Уроборос. Бесконечность. Ловушка, у которой нет начала и нет конца.

Психологическое давление в комнате достигло предела. Средний чувствовал, как трещит по швам его рассудок. Ему нужно было сделать невозможное. Выбрать между ребенком, которым он был, и стариком, которым он станет. Выбрать, чтобы выжить. Или найти третий путь, который, как подсказывал ему внутренний голос, не предусмотрен правилами этой безумной, белой вселенной.

Глава 2. Анатомия выбора

Символ змеи, пожирающей собственный хвост, исчез так же беззвучно и плавно, как и появился, растворившись в молочной белизне стены. Но его образ остался, впечатанный в сетчатку, в мозг, в саму душу Среднего. Он продолжал видеть его с закрытыми глазами — идеальный, замкнутый круг, у которого нет ни начала, ни конца. Бесконечность. Уроборос. Самая древняя и самая страшная из всех ловушек.

Воздух в комнате стал другим. Не просто спертый или тяжелым — он стал информационно насыщенным, словно каждая его молекула несла в себе заряд чудовищного, невозможного знания, которое только что открылось пленникам. Средний стоял в центре уменьшившегося пространства, и ему казалось, что он балансирует на лезвии бритвы. С одной стороны — Младший, с его детской, эгоистичной, животной жадой жизни, уже готовый переступить через труп, даже не осознавая всей глубины этого поступка. С другой — Старший, воплощение усталости и обреченности, почти провоцирующий их на убийство своей пассивной покорностью. А посередине — он сам, Средний. Тот, кто должен принять решение. Тот, кто является мостом между прошлым и будущим. Тот, кто всегда был этим мостом и даже не подозревал об этом.

— Этого не может быть, — повторил он вслух, но голос его прозвучал неубедительно, жалко. Он сам себе не верил. Слишком многое сходилось. Слишком многое обрело вдруг пугающую, кристальную ясность. Их лица. Их жесты. Их голоса, звучащие в унисон с каким-то внутренним камертоном его души.

— Может, — снова произнес Старший, и на этот раз его голос был тверже. Он словно решил выйти из своего анабиоза, увидев, что Средний наконец-то начал прозревать. — И не просто может. Это единственное, что здесь является правдой. Все остальное — декорации, мишура, испытательный полигон.

Младший, который все еще стоял в нескольких шагах от них, сжимая и разжимая кулачки, переводил взгляд с одного взрослого на другого. На его лице читалась сложная гамма чувств: страх, непонимание, злость и что-то еще, что-то глубинное, похожее на ревность.

— О чем вы говорите? — его голос сорвался на фальцет. — Какая змея? Почему вы так смотрите друг на друга? Вы меня пугаете!

Средний перевел взгляд на мальчика. Теперь, когда пелена спала, он видел его по-новому. Это было не просто лицо испуганного ребенка. Это было его собственное лицо, только не тронутое временем, не омраченное опытом, не изрезанное морщинами тревог и разочарований. Те же глаза. Та же линия губ. Даже родинка на левом виске — крошечная, едва заметная — была на том же самом месте, где и у него самого. Он знал это, хотя ни разу не видел своего отражения в этой комнате. Знал на каком-то клеточном уровне.

— Мы не пугаем тебя, — медленно, тщательно подбирая слова, заговорил Средний, делая осторожный шаг к мальчику. — Мы... мы пытаемся понять. Как ты себя чувствуешь? Ты помнишь что-нибудь? Что-нибудь из того, что было до этой комнаты?

Младший нахмурился. Его брови — точно такие же, как у Среднего, только светлее — сошлись на переносице. Он напрягся, пытаясь выудить из пустоты своей амнезии хоть какой-то образ.

— Нет, — сказал он наконец с досадой. — Только... только какие-то ощущения. Как будто я что-то забыл. Что-то важное. Это как когда просыпаешься после долгого сна и помнишь, что тебе снилось что-то прекрасное или ужасное, но что именно — не можешь вспомнить. Только чувство остается.

— Какое чувство? — быстро спросил Старший, впервые проявляя инициативу в разговоре.

Младший задумался. Его губы задрожали.

— Чувство, что меня бросили, — прошептал он, и в его глазах снова заблестели слезы. — Что меня оставили одного. Что я был кому-то нужен, а потом перестал быть нужен. Это очень... очень больно.

Средний почувствовал, как эти слова отзываются в нем самом тупой, ноющей болью где-то в районе солнечного сплетения. Чувство, что тебя бросили. Одиночество. Экзистенциальная заброшенность. Разве не это чувство преследовало его всю жизнь? Всю ту жизнь, которую он не помнил, но которая, очевидно, была? Разве не оно сидело где-то в подкорке, отравляя каждую радость, каждое достижение, каждые отношения?

— А ты? — обратился он к Старшему. — Что чувствуешь ты?

Старший долго молчал, глядя в одну точку на белой стене. Его лицо, изрезанное глубокими морщинами, напоминало карту какой-то выжженной, бесплодной земли. Земли, по которой прошли войны, засухи и пожары.

— Пустоту, — ответил он наконец. — Я чувствую пустоту. Не одиночество. Одиночество — это когда есть кто-то еще, кто мог бы быть с тобой, но его нет. А пустота — это когда нет даже тебя самого. Я чувствую, что я уже умер. Давно. Может быть, не физически. Но та часть, которая делает человека человеком, — она атрофировалась, отсохла, отпала за ненадобностью. Я — оболочка. Скорлупа от вылупившегося птенца. Зачем скорлупе жить?

— Ты не скорлупа! — резко бросил Средний, и его голос прозвучал громче, чем он рассчитывал. Эхо заметалось по уменьшившейся комнате, отражаясь от сблизившихся стен. — Ты — это я. Я — это ты. Мы — одно целое. Если ты умрешь здесь и сейчас, что будет со мной? Что будет с ним?

Он указал на Младшего. Старший медленно перевел на него взгляд.

— А что с вами будет, если я не умру? — спросил он риторически. — Комната сожмется. На пятьдесят процентов. Ты представляешь, что это значит? Это значит, что мы окажемся в пространстве, где невозможно будет стоять в полный рост, невозможно будет лежать, вытянув ноги. Мы будем спрессованы, как сардины в банке. Мы будем медленно задыхаться, чувствуя, как стены все ближе и ближе, как они сдавливают грудную клетку, как ребра трещат под неумолимым давлением. Это не быстрая смерть. Это пытка. И когда мы все трое будем корчиться в агонии, ты вспомнишь этот момент и подумаешь: «Надо было убить старика». Только будет уже поздно.

— Не говори так! — Младший зажал уши ладонями. — Не надо! Я не хочу этого слышать! Я не хочу умирать! Я вообще не хочу здесь находиться! Отпустите меня! Мама! Мама!

Он закричал, срывая голос, и этот крик, полный первобытного ужаса, заполнил все пространство белой комнаты, ударился о стены и, не найдя выхода, обрушился обратно на них троих. Младший кричал и кричал, захлебываясь слезами и соплями, и в этом крике было столько невыносимой, чистой, детской муки, что у Среднего защемило сердце. Он сделал еще один шаг и, преодолев разделявшее их расстояние, опустился перед мальчиком на колени и крепко, порывисто обнял его.

Это прикосновение произвело эффект электрического разряда. Обоих пронзило током — не боли, но какого-то странного, глубинного узнавания. Тело мальчика, худенькое, угловатое, пахнущее каким-то едва уловимым, давно забытым запахом — смесью детского мыла, теплого хлеба и чего-то еще, неуловимого, — прижалось к его груди. И Средний вдруг ощутил то, чего не ощущал никогда в жизни — по крайней мере, в той жизни, которую помнил. Он ощутил безусловную, абсолютную любовь к этому маленькому, испуганному существу. Любовь, смешанную с острейшей, пронзительной жалостью. Жалостью к самому себе. К себе-ребенку, которого так легко обидеть, так просто сломать, так трудно защитить от всех жестокостей мира.

— Тише, тише, — зашептал он, глядя мальчика по голове, по мягким, слегка выющимся волосам. — Мы что-нибудь придумаем. Я обещаю тебе. Я тебя не брошу. Слышишь? Никогда не брошу.

Младший перестал кричать. Он судорожно всхлипывал, уткнувшись лицом в плечо Среднего, вцепившись пальцами в его серую футболку с такой силой, что костяшки побелели.

— Правда? — прошептал он, икая. — Ты не врешь? Ты не дашь мне умереть?

— Правда, — сказал Средний, и в этот момент он действительно верил в то, что говорил. Он еще не знал, как именно спасет их всех, но где-то глубоко внутри уже зародилась смутная, пока еще не оформившаяся мысль. Должен быть третий путь. Не может быть, чтобы эта чудовищная дилемма была единственной реальностью. Это слишком... слишком просто для такого изощренного места.

Старший наблюдал за этой сценой со смесью печали и какого-то отстраненного, клинического интереса. Он смотрел на них, обнявшихся посреди белой камеры, и на его лице медленно проступало выражение, которого Средний не ожидал. Зависть? Ностальгия? Сожаление?

— Ты когда-то тоже так думал, — тихо произнес Старший, обращаясь, кажется, больше к самому себе, чем к Среднему. — Ты тоже хотел защитить. Спаси. Придумать третий путь. Это было... давно. Или только что. Здесь время — странная штука.

Средний поднял голову и встретился взглядом со Старшим.

— Хватит загадок, — сказал он, стараясь говорить спокойно, хотя внутри у него все кипело. — Ты явно знаешь больше нас. Ты говоришь так, будто это уже происходило. Много раз. Если это правда, если мы действительно один и тот же человек, то ты — мое будущее. Значит, у тебя должны быть воспоминания. Ты должен помнить, как мы — я — выбирались отсюда. Или не выбирались. Расскажи нам все.

Старший глубоко вздохнул. Этот вздох был таким тяжелым, словно он поднимал на своих плечах невидимую гору.

— Рассказать... — протянул он. — Что рассказать? Рассказать тебе, сколько раз мы проходили этот круг? Я сбился со счета. Может быть, сто. Может быть, тысяча. Может быть, это происходит вечно, и то, что мы называем жизнью — всего лишь краткая передышка между циклами этой Белой Комнаты.

— Что ты такое говоришь? — нахмурился Средний. Он все еще обнимал Младшего, который постепенно затихал в его руках, прислушиваясь к разговору взрослых.

— Я говорю то, что знаю, — ответил Старший. — Или то, что помню. С памятью здесь тоже непросто. Каждый раз, просыпаясь здесь, мы не помним ничего. Абсолютно ничего. Как новорожденные младенцы, с той лишь разницей, что у младенцев впереди целая жизнь, а у нас — несколько часов, максимум — дней. Но чем дольше мы здесь находимся, тем больше... просачивается. Обрывки. Фрагменты. Дежавю, которое с каждым разом становится все более отчетливым.

Он замолчал, собираясь с мыслями. Младший высвободился из объятий Среднего и теперь сидел на полу, скрестив ноги, и слушал с тем же напряженным вниманием, что и Средний.

— Это место, — продолжил Старший, обводя рукой белые стены, — не тюрьма. И не камера пыток. Это... зеркало. Или, если хочешь, операционная. Здесь нас препарируют. Разбирают на составные части. Детство, зрелость, старость. Невинность, ответственность, мудрость. Прошрое, настоящее, будущее. Все, что в обычной жизни сплавлено воедино, здесь разделено и персонифицировано. Нас трое, но выбор всегда делает один.

— Я, — понял Средний.

— Ты, — подтвердил Старший. — Всегда ты. Потому что ты — точка сборки. Ты — то самое звено, которое соединяет ребенка, которым мы были, и старика, которым мы станем. Ты — мост. И от того, в какую сторону ты шагнешь или не шагнешь, зависит все.

— Но как это связано с заданиями? — спросил Средний. — «Покормите ребенка», «Убейте старика»... Это какая-то метафора?

— В том-то и дело, что нет, — горько усмехнулся Старший. — Здесь нет метафор. Здесь все буквально до тошноты. Это не философская притча. Это комната, в которой с потолка не сыплется манна небесная, а питьевая вода не сочится из стен. Если задание требует убить — значит, нужно убить. По-настоящему. Руками. Ощущая, как жизнь покидает тело.

Старший посмотрел на свои собственные, испещренные венами и старческими пятнами руки. Посмотрел долгим, изучающим взглядом, словно видел их впервые.

— Хотя... — медленно произнес он, и в его глазах мелькнула какая-то новая мысль, — слово «буквально» здесь тоже работает не до конца. Мы ведь не можем умереть. Не в окончательном смысле.

— Что значит — не можем умереть? — встрепнулся Младший. — А как же наказание? Если комната сожмется, мы же умрем! Раздавимся!

— Да, — согласился Старший. — Умрем. А потом проснемся. Снова здесь. В исходной точке. Без памяти. И все начнется заново. В этом и заключается истинный ужас этого места. Это не комната смерти. Это комната вечного возвращения. Ницшеанский ад, облицованный белым кафелем.

Средний почувствовал, как по спине пробежал холодок. Вечное возвращение. Бесконечный цикл смертей и рождений. Бесконечный выбор между двумя чудовищными альтернативами. Он представил себе это: раз за разом просыпаться в этом белом кубе, раз за разом видеть эти надписи, раз за разом принимать решения, мучиться, умирать — и все забывать, чтобы начать заново. Это было хуже любой пытки. Это была абсолютная, беспросветная бессмысленность.

— Но если мы все забываем, — сказал он, цепляясь за соломинку логики, — то откуда ты знаешь о циклах? Почему ты помнишь?

Старший устало потер переносицу. Этот жест показался Среднему смутно знакомым. Он и сам иногда так делал, когда сильно уставал или пытался сосредоточиться.

— Я не помню, — ответил Старший. — Я... чувствую. Это не воспоминания в обычном понимании. Это как... как мышечная память души. Ты не помнишь, как научился ходить, но твое тело знает, как это делается. Так и здесь. Я не могу восстановить в подробностях все предыдущие циклы, но я знаю — знаю наверняка, без тени сомнения, — что они были. Я знаю, что первое задание всегда — «покормить ребенка». И оно никогда не выполняется, потому что еды нет. Оно дается для того, чтобы комната уменьшилась. Чтобы загнать нас в угол. Чтобы создать давление. Чтобы второе задание — «убейте старика» — звучало уже не так дико на фоне перспективы быть раздавленными.

— Логика эскалации, — тихо сказал Средний. — Создать невыносимые условия, чтобы сделать приемлемым неприемлемое.

— Именно, — кивнул Старший. — И это работает. В предыдущих циклах... я думаю, во многих из них... ты соглашался. Ты убивал меня.

В комнате повисла тяжелая тишина. Эти слова — «ты убивал меня» — прозвучали буднично, почти прозаично, и от этого становилось еще страшнее. Средний смотрел на свои руки. Те самые руки, которые обнимали плачущего ребенка минуту назад. Неужели этими же руками он когда-то — или много раз — лишал жизни беспомощного старика? Свое собственное будущее? Себя самого?

— И что было потом? — спросил он, чувствуя, как пересыхает во рту. — Что было после того, как я... выполнял задание?

— Комната возвращалась к исходному объему, — ответил Старший. — Мы получали награду. «Дополнительный ресурс». Обычно это была еда. Вода. Иногда — одеяла. Один раз, кажется, даже книга. Но это не точно, может быть, это фрагмент из другого цикла. А потом...

появлялось новое задание. Еще более чудовищное. И еще одно. И еще. И каждый раз выбор становился все более мучительным, цена — все более высокой, а мы сами — все более сломленными. Это игра на понижение. С каждым кругом ты теряешь часть себя, пока не превратишься в животное, готовое на все ради выживания. Или в труп. Что, впрочем, одно и то же.

Младший, слушавший этот разговор с широко раскрытыми глазами, вдруг вскочил на ноги.

— Значит, ты хочешь, чтобы мы тебя убили? — выкрикнул он, обращаясь к Старшему. В его голосе не было сострадания. Была детская, непосредственная корысть. — Ты сам говоришь, что так уже было! Значит, это правильно! Значит, так и надо! Давай сделаем это сейчас, и у нас будет еда! Я есть хочу! У меня живот сводит!

Он схватился за живот, и только сейчас Средний заметил, что мальчик действительно выглядит изможденным. Бледная кожа, темные круги под глазами, заострившиеся скулы. Голод, который он испытывал, не был плодом воображения. Он был реален и, вероятно, мучителен. И жажда — наверняка и жажда тоже. Сколько времени прошло с момента их пробуждения? Часы? Сутки? Время здесь текло неравномерно, сжимаясь и растягиваясь, как резиновый жгут.

— Мы не будем никого убивать! — резко ответил Средний, и его голос прозвучал жестче, чем он намеревался. Младший отшатнулся, обиженно надув губы. — Мы люди, а не звери. Должен быть другой способ. Должна быть лазейка.

— Лазейка, — эхом повторил Старший, и в его голосе прозвучала насмешка, смешанная с бесконечной усталостью. — Ты всегда так говоришь. «Должна быть лазейка». «Я найду другой способ». «Я обыграю систему». Знаешь, что самое смешное? Я ведь тоже это говорил. В прошлых циклах. Когда я был на твоём месте. И ты... то есть, он, тот, кто был на моем... тоже смеялся надо мной. Только смех этот был горьким.

— И что? — не сдавался Средний. — Ты нашел лазейку? Кто-нибудь из нас ее находил?

Старший надолго замолчал. Его взгляд стал отсутствующим, устремленным в какую-то точку, которую не видели остальные. Казалось, он перебирает в уме бесчисленные варианты, бесчисленные попытки, бесчисленные неудачи.

— Нет, — сказал он наконец. — По крайней мере, я не помню такого. Но...

Он замялся, подбирая слова.

— Что «но»? — подался вперед Средний.

— Но я помню ощущение, — медленно произнес Старший. — Ощущение, что мы что-то упускаем. Что-то важное. Каждый раз, в каждом цикле, мы действуем по одной и той же схеме. Либо убиваем, либо умираем. Это бинарный выбор. Да или нет. Жизнь или смерть. Ребенок или старик. Но что, если... что, если сама постановка вопроса ложна?

Средний задумался. Слова Старшего находили в нем отклик. Еще до того, как он осознал их тождественность, он чувствовал, что дилемма, предложенная Комнатой, — фальшивая. Что это ловушка, рассчитанная на примитивные инстинкты. Но как обойти ловушку, когда стены в буквальном смысле смыкаются вокруг тебя?

— Ложная дихотомия, — проговорил он вслух. — Нам предлагают выбор между двумя ужасами, заставляя поверить, что третьего не дано. Но третий вариант всегда есть. Нужно просто его найти.

— Красивые слова, — прокомментировал Старший. — Но стены неумолимы. У тебя осталось... сколько там на таймере?

Средний посмотрел на стену. Черные цифры безжалостно отсчитывали время. Сто двенадцать минут. Почти два часа. Из ста двадцати прошло только восемь, а казалось, что они провели в разговорах целую вечность. Но теперь каждая минута ощущалась как песчинка, утекающая сквозь пальцы. Сто двенадцать минут, чтобы найти третий выход. Сто двенадцать минут, чтобы разгадать головоломку, над которой они бились, возможно, целую вечность.

— Хорошо, — сказал Средний, решительно поднимаясь на ноги. — Давай рассуждать логически. Это место, кто бы его ни создал, подчиняется каким-то правилам. Правилам, которые мы можем не понимать, но которые существуют. Итак, что мы знаем? Первое: мы — один человек, искусственно разделенный на три возраста. Зачем? В чем смысл этого разделения?

— Чтобы мучить нас, — буркнул Младший, который снова уселся в углу, обхватив колени руками.

— Это слишком примитивное объяснение, — покачал головой Средний. — Если цель — просто мучить, зачем такие сложности? Почему бы просто не пытать нас огнем или голодом? Зачем весь этот спектакль с заданиями, наградами, наказаниями? Это не просто камера пыток. Это испытание. Или... эксперимент.

— Эксперимент? — переспросил Старший, и в его выцветших глазах мелькнул интерес. — Эксперимент над чем? Над кем?

— Над нами, — ответил Средний. — Над человеком. Над его способностью к выбору, к самопожертвованию, к убийству, к любви, к саморазрушению. Мы — лабораторные крысы в лабиринте. Но у каждого лабиринта есть выход. Иначе эксперимент теряет смысл. Если крыса гарантированно погибает, какой интерес за ней наблюдать?

Старший хмыкнул.

— Интересно. Я не думал об этом под таким углом. Или думал, но забыл. И каков же, по-твоему, выход? Где он?

— Не знаю, — признался Средний. — Но я знаю, где его точно нет. Он не в том, чтобы убить тебя. И не в том, чтобы умереть самим. Он в чем-то другом. В чем-то, что мы еще не пробовали. Или пробовали, но забыли.

Он начал ходить по комнате — насколько это было возможно в уменьшившемся пространстве. Три шага в одну сторону, три в другую. Стены давили на психику. Потолок, который раньше был высоко, теперь висел нависающей плитой, готовой в любой момент опуститься еще ниже. Но движение помогало думать.

— Второе, что мы знаем, — продолжил он рассуждать вслух, — это то, что Комната реагирует на нас. Она дает задания. Она отсчитывает время. Она применяет наказания. Значит, у нее есть... сенсоры? Наблюдатель? Искусственный интеллект? Кто-то или что-то следит за нами и оценивает наши действия.

— Это очевидно, — кивнул Старший.

— Но если есть наблюдатель, значит, есть и цель наблюдения, — развивал мысль Средний. — Что он хочет увидеть? Что мы выполним задание? Или что мы откажемся его выполнять? Что мы сломаемся? Или что мы проявим стойкость? В прошлых циклах, когда я... когда мы убивали тебя, что происходило дальше? Ты говоришь, появлялось новое задание. Какое?

Старший нахмурился, напрягая память.

— Разные, — сказал он неуверенно. — Кажется... было что-то про то, чтобы причинить боль себе. Или Младшему. Было что-то про... про то, чтобы выбрать, кого из нас оставить в живых. С каждым разом задания становились все более садистскими. Как будто тот, кто за нами наблюдает, проверяет пределы нашей человечности. Или, наоборот, нашей бесчеловечности.

— Именно! — Средний резко остановился. — Пределы! Это ключевое слово. Система тестирует наши пределы. Но зачем? Зачем знать, на что способен человек в безвыходной ситуации? В этом должен быть какой-то смысл.

— Может быть, это просто развлечение, — мрачно предположил Младший. — Может быть, там, снаружи, сидит кто-то большой и злой и смотрит на нас, как мы мучаемся, и смеется. Как мальчишки, которые отрывают крылья у мух.

Эта простая, детская метафора заставила Среднего вздрогнуть. Мальчишки, отрывают крылья у мух. Жестокость ради жестокости. Садизм, лишенный какой-либо утилитарной цели. Что, если Младший прав? Что, если они — всего лишь игрушки в руках какого-то выс-

шего, безжалостного существа, для которого их страдания — всего лишь забавное шоу? Эта мысль была почти такой же ужасной, как и вечное возвращение.

— Нет, — твердо сказал он, отгоняя это предположение. — Не может быть. Слишком сложная конструкция для простого развлечения. Здесь есть система. Правила. Логика. Пусть извращенная, пусть жестокая, но логика. А если есть логика, ее можно понять. И использовать.

Он снова обратился к Старшему.

— Ты говорил про третий путь. Про то, что мы что-то упускаем. У тебя есть идеи? Даже самые безумные?

Старший долго смотрел на него, и в его взгляде читалась борьба. Казалось, он решается на что-то, что-то, что он никогда не делал в предыдущих циклах, или делал, но это не привело к успеху.

— Идея есть, — наконец произнес он. — Но она... опасна. Не для жизни — жизнью здесь никого не удивишь. Она опасна для рассудка.

— Говори, — потребовал Средний.

— Мы все время думаем о том, как выполнить задание или избежать его, — начал Старший. — Мы воспринимаем задания как данность. Как законы физики. Но что, если это не так? Что, если задания — это не приказы, которые мы обязаны исполнять, а... вопросы? Вопросы, на которые мы должны дать ответ? Не действием, а... пониманием?

— Не понимаю, — нахмурился Средний. — Объясни.

— «Покормите ребенка», — процитировал Старший. — Мы восприняли это буквально. Мы искали еду. Мы впали в отчаяние, когда не нашли ее. Но что, если «покормить» — это не про физическую пищу? Что, если ребенку нужна была не еда, а... забота? Любовь? Защита? Ты обнял его несколько минут назад. Он успокоился. Он перестал плакать. Разве это не форма «кормления»?

Средний замер. Эта мысль была простой и одновременно ошеломляющей. Действительно, когда он обнял Младшего, когда дал ему то, чего ему не хватало больше всего — чувство безопасности, — ребенок перестал кричать. Но Комната не отреагировала. Никакой надписи «Задание выполнено». Никакой награды. Только таймер на стене, отсчитывающий время до наказания за невыполнение второго задания.

— Если ты прав, — медленно сказал он, — то почему система не засчитала это? Почему мы все равно были наказаны?

— Потому что мы не осознали этого вовремя, — ответил Старший. — Или потому что мы сделали это не так. Или потому что я неправ, и все нужно понимать еще более... метафорично. Я не знаю. Это всего лишь догадка.

— А второе задание? — спросил Средний, глядя на стену с надписью «УБЕЙТЕ СТАРИКА». — Если следовать твоей логике, «убить старика» — это не буквально лишить тебя жизни. Это... что? Убить в себе старика? Отказаться от будущего? Отказаться от мудрости, которая приходит с годами? Отказаться от усталости и разочарования?

— Или, наоборот, — неожиданно подал голос Младший, который с интересом слушал их диалог. — Может быть, это значит убить в себе страх перед старостью? Или убить саму идею того, что ты обязательно станешь таким, как он?

И Старший, и Средний удивленно уставились на мальчика. Тот смутился под их взглядами.

— Что? — пробормотал он. — Я просто подумал... если мы — один человек... то, наверное, мы можем влиять друг на друга. Не только вы на меня, но и я на вас. И наоборот.

— Влиять друг на друга... — задумчиво повторил Средний. — Это интересная мысль. Очень интересная.

Он снова начал мерить шагами комнату, но теперь его движения были более энергичными, более осмысленными. В голове у него роились идеи, обрывки концепций, смутные догадки.

— Давайте попробуем систематизировать, — сказал он. — Если эта Комната — зеркало, и мы в ней — отражения друг друга в разных временных точках, то, воздействуя на одно отражение, мы меняем всю картину. Верно? Представьте себе... представьте, что мы можем не просто реагировать на задания, но и... задавать свои собственные условия.

— Как? — спросил Старший.

— Не знаю пока, — признался Средний. — Но я чувствую, что мы на верном пути. Мы слишком буквально воспринимаем эту реальность. Мы ведем себя как персонажи компьютерной игры, которые видят перед собой квест и думают только о том, как его выполнить, не задумываясь о том, кто написал этот квест и зачем. Но мы не персонажи. Мы — игроки. Мы — создатели.

Он остановился и повернулся к стене, на которой светился текст.

— Эй! — громко сказал он, обращаясь в пустоту. — Ты! Тот, кто это все устроил! Я знаю, что ты нас слышишь. Я знаю, что ты наблюдаешь.

Тишина была ему ответом. Только черные цифры на стене равнодушно сменяли друг друга.

— Я не буду играть по твоим правилам! — продолжил Средний, повышая голос. — Слышишь? Я отказываюсь от выбора, который ты мне предлагаешь. Я не убью старика. И не позволю умереть ребенку. Мы найдем другой путь. Мы перепишем твой сценарий.

Стена молчала. Цифры тикали.

— Бесполезно, — вздохнул Старший. — Я тоже так пробовал. Оно не отвечает.

— А ты пробовал не просто кричать, а предложить что-то взамен? — спросил Средний. — Ты пробовал... диалог?

Старший покачал головой.

— Диалог предполагает две стороны. А здесь, похоже, сторона только одна. Мы — марионетки. И кукловод не собирается с нами разговаривать.

— Или мы просто не знаем, как его вызвать, — упрямо сказал Средний. — У всего есть правила. Есть протокол. Нужно нажать правильную кнопку. Сказать правильное слово.

Он снова повернулся к стене. В его голове крутились обрывки знаний, выуженных из пучины амнезии. Он не помнил, откуда он это знает, но знал точно: в любой системе есть интерфейс. Способ коммуникации. Нужно его найти.

— Задание! — воскликнул он. — Сами задания! Они написаны на русском языке. Это значит, что система понимает русский язык. Она коммуницирует с нами через текст. А если она может писать, может быть, она может и читать?

— Читать? — переспросил Младший. — Что читать? У нас нет ручек и бумаги.

— Стена! — Средний подскочил к белой поверхности. — Мы можем писать на стене! Чем-нибудь...

Он огляделся в поисках предмета, который мог бы оставлять следы. Ничего. Он попробовал писать пальцем — на гладкой поверхности не оставалось ни царапины. Слюна? Он смочил палец во рту и попытался нарисовать букву на стене. Влажный след испарился почти мгновенно, не оставив и намека на линию.

— Кровь, — тихо сказал Старший, и это слово упало в тишину, как камень в колодец. — Попробуй кровью.

Средний посмотрел на свои руки. На костяшках правой руки запеклась корка — след от удара о стену в самом начале их заточения. Он отковырнул ее, и из ранки выступила свежая, алая капля. Недолго думая, он обмакнул в нее указательный палец левой руки и, потянувшись

к стене, прямо под светящейся надписью «УБЕЙТЕ СТАРИКА», вывел корявым, дрожащим почерком:

«КТО ТЫ?»

Кровь была густой и теплой. Она оставляла четкий, темно-красный след на безупречной белизне. Все трое затаили дыхание, глядя на эти два слова, написанные человеческой кровью на стене их тюрьмы. Прошла секунда. Две. Пять.

Ничего не происходило.

Средний уже хотел выругаться от отчаяния, когда буквы начали меняться. Кровь, впитавшаяся в поверхность, задрожала, запульсировала и вдруг начала расплываться, трансформироваться, складываться в новые символы. Это было жуткое зрелище — как будто сама рана на стене заживала, перестраивая свою форму. И через несколько мгновений под их вопросом, на том же самом месте, проступил ответ. Написанный той же кровью, но идеально ровным, каллиграфическим почерком:

«Я — ТЫ.»

У Среднего перехватило дыхание. Младший тихо вскрикнул и вцепился в его руку. Старший шумно выдохнул, и в этом выдохе было больше потрясения, чем он, вероятно, испытывал за множество последних циклов.

— Этого не было, — прошептал он. — Этого никогда не было раньше.

Средний, преодолевая дрожь во всем теле, снова поднес окровавленный палец к стене. Рука тряслась, но он заставил себя писать. Новая строка легла под ответом:

«ЧТО ТЫ ХОЧЕШЬ?»

И снова — пауза, пульсация, трансформация крови в буквы:

«УЗНАТЬ СЕБЯ.»

— Узнать себя... — эхом повторил Средний. — Что это значит? Узнать себя?

Но стена, словно услышав его, уже выводила новую фразу, без его вопроса, сама по себе. Кровь на поверхности словно жила своей жизнью, перетекая из одной формы в другую с жуткой, органической грацией:

«ВЫ ТРОЕ — ЭТО ОДИН. НО ОДИН — ЭТО НЕ ТОЛЬКО ВЫ ТРОЕ. ЧТОБЫ ВЫЙТИ, ВЫ ДОЛЖНЫ ВСПОМНИТЬ ВСЕХ. ВЫ ДОЛЖНЫ СТАТЬ ЦЕЛЫМ. ЗАДАНИЯ — ЭТО КЛЮЧИ. НАКАЗАНИЯ — ЭТО УКАЗАТЕЛИ. СМЕРТЬ — ЭТО НЕ КОНЕЦ. ВЫБОР — ЭТО НЕ СВОБОДА. ПОКА ВЫ ВЫБИРАЕТЕ МЕЖДУ ДВУМЯ, ВЫ В КЛЕТКЕ. ВЫХОД — В ТРЕТЬЕМ.»

Текст исчез так же внезапно, как и появился, и стена вновь стала девственно-белой, если не считать исходного задания и таймера. Средний стоял, прижав кровоточащий палец к груди, и переваривал прочитанное. В голове у него был вихрь. «Один — это не только вы трое». «Вспомнить всех». «Стать целым». «Выход — в третьем».

— Третий, — прошептал он. — Третий — это не выбор. Третий — это мы сами. Целые. Неразделенные.

Младший поднял на него глаза, полные смятения и зарождающейся надежды.

— И что нам теперь делать?

— Думать, — ответил Средний. — Думать и вспоминать. Вспоминать, кем мы были. Кем мы стали. И кем мы можем стать, если перестанем делить себя на части.

Он посмотрел на таймер. Оставалось сто четыре минуты. Чуть больше полутора часов. Времени было мало, но теперь у них была цель. Настоящая, осмысленная цель, не сводящаяся к убийству или смерти. У них был шанс. Возможно, первый за бесчисленное множество циклов.

И в этот момент, впервые с момента своего пробуждения в этом белом аду, Средний почувствовал нечто, отдаленно напоминающее надежду.

Глава 3. Хор голосов

Кровь на пальце Среднего запеклась быстро — удивительно быстро, неестественно быстро, словно сам воздух этой комнаты обладал вяжущими, дубящими свойствами. Он смотрел на багровую корку, образовавшуюся на подушечке указательного пальца, и чувствовал, как в груди, где-то за грудиной, разрастается странное, тревожное, но вместе с тем и возбуждающее чувство. Они только что говорили с Комнатой. Вернее, с тем, кто или что скрывалось за ней. И оно ответило. Ответило загадками, притчами, почти пророчествами, но ответило. Впервые за бесчисленное множество циклов, если верить Старшему, безмолвный кукловод вышел на связь.

«Я — ТЫ.» «УЗНАТЬ СЕБЯ.» «ВЫХОД — В ТРЕТЬЕМ.»

Слова пульсировали в мозгу Среднего, отдаваясь в висках тупой, ноющей болью. Он потер лоб здоровой рукой, пытаясь собрать воедино разбегающиеся мысли. Младший все еще стоял рядом, вцепившись в его рукав, и снизу вверх смотрел на него глазами, в которых страх постепенно уступал место любопытству. Старший же, напротив, казался выбитым из колеи. Его обычная маска усталого безразличия дала трещину. Он смотрел на то место на стене, где только что пульсировали кровавые письма, и его морщинистое лицо выражало сложную гамму чувств — потрясение, недоверие, и где-то глубоко, на самом дне выцветших глаз, — робкую, почти забытую надежду.

— Этого не было, — повторил он в который раз, качая головой. — Клянусь тебе, в прошлых циклах ничего подобного не происходило. Стена всегда была нема. Она давала задания и наказывала за невыполнение. Она была как бездушный механизм, как программа, лишенная обратной связи. Но это... это другое.

— Может быть, и циклы были другими, — задумчиво произнес Средний, не отрывая взгляда от белой поверхности. — Может быть, мы сами были другими. Ты сказал, что мы всегда действовали по одной схеме: либо убивали, либо умирали. Мы реагировали на задания, но никогда не задавали вопросов. Никогда не пытались вступить в диалог. Сегодня мы сделали то, чего не делали никогда. И система ответила.

— Система? — переспросил Старший. — Ты думаешь, это система?

— А кто же еще? — пожал плечами Средний. — Или что же еще. Наш тюремщик. Наш создатель. Наше отражение. «Я — ТЫ». Помнишь? Оно само так сказало. Мы и Комната — одно целое. Это не противостояние. Это... автокоммуникация. Разговор с самим собой.

— Звучит как бред сумасшедшего, — проворчал Старший.

— А что здесь не звучит как бред сумасшедшего? — усмехнулся Средний, и в его усмешке было что-то новое — не истерика, не отчаяние, а мрачная, горькая ирония человека, который решил принять безумие как данность и попытаться найти в нем свою, особую логику. — Мы — три версии одного человека, запертые в белом кубе, который сжимается по команде невидимого надзирателя. Мы не помним своего имени, своего прошлого, своей жизни. И после всего этого ты говоришь о здоровом рассудке? По-моему, единственный способ здесь сохранить рассудок — это признать, что он уже потерян, и начать играть по новым правилам. Правилам безумия.

Старший ничего не ответил. Он лишь покачал головой и снова погрузился в свое привычное состояние — отрешенное созерцание пустоты. Но теперь в этом созерцании было меньше пассивности. Казалось, он напряженно думает, переваривает новую информацию, пытается вписать ее в картину мира, которая складывалась у него на протяжении множества прожитых и забытых жизней.

Младший, напротив, был возбужден и энергичен. Детская психика, более гибкая и адаптивная, восприняла сверхъестественный диалог с Комнатой не как крушение основ реально-

сти, а как интересное, почти сказочное приключение. Он отпустил руку Среднего и подошел к стене, разглядывая то место, где исчезли кровавые письма.

— А можно еще что-нибудь спросить? — обратился он к Среднему. — Ну, у стены. У нее. У него. У того, кто отвечает. Давай спросим, как нам выбраться? Или где еда? Или...

— Подожди, — остановил его Средний, поднимая руку. — Не все сразу. Это... это не автомат с газировкой, в который кидаешь монетку и получаешь ответ. Это что-то другое. Нужно думать, прежде чем спрашивать. Нужно задавать правильные вопросы.

— А какие вопросы правильные? — нахмурился Младший.

— Те, которые помогут нам понять, — ответил Средний. — Понять себя. Она же сказала: «**ЧТОБЫ ВЫЙТИ, ВЫ ДОЛЖНЫ ВСПОМНИТЬ ВСЕХ. ВЫ ДОЛЖНЫ СТАТЬ ЦЕЛЫМ**». Значит, ключ — в памяти. В восстановлении того, что мы забыли. В воссоединении того, что было разъято.

Он замолчал, глядя на свои руки. Руки Среднего. Руки человека в расцвете сил. Что они помнили? Что они умели? Он попытался вызвать из глубин подсознания хоть какой-то образ, хоть какой-то навык, который не был бы связан с базовыми, общечеловеческими знаниями. Как его зовут? Пустота. Кем он работал? Пустота. Была ли у него семья, жена, дети? Пустота, пустота, пустота. Но где-то там, под этой толщей амнезии, что-то брезжило. Какие-то тени. Какие-то обрывки ощущений. Запах скошенной травы. Вкус чего-то сладкого на языке. Чье-то прикосновение — легкое, ласковое, почти невесомое, как крыло бабочки.

— Мы должны вспоминать, — сказал он вслух. — Вместе. Втроем. Может быть, в этом и есть суть. Мы разделены, но наши воспоминания тоже разделены. Ребенок помнит детство. Старик — старость. Я — зрелость. Если мы сложим наши фрагменты вместе, может получиться цельная картина.

— Но я ничего не помню, — жалобно протянул Младший. — Я пробовал, честное слово. Там пусто. Как будто большой белый лист, на котором ничего не написано.

— Белый лист... — задумчиво повторил Средний. — Как эта комната. Может быть, ты просто не знаешь, как читать этот лист. Может быть, воспоминания не приходят сами, как готовая картинка. Может быть, их нужно... вытягивать. Как рыбку из пруда. По ниточке.

Он опустился на пол и сел, скрестив ноги. Младший, повинувшись какому-то импульсу, сел напротив него. Старший остался на своем месте, но его голова слегка повернулась в их сторону — он слушал.

— Давай попробуем, — сказал Средний, обращаясь к мальчику. — Закрой глаза. Расслабься. Представь, что ты плывешь... нет, не в белой комнате. Представь, что ты в каком-то другом месте. В месте, которое кажется тебе... знакомым. Не важно, существует оно или нет. Просто первое, что придет в голову.

Младший послушно зажмурился. Его лицо, напряженное и сосредоточенное, было очень серьезным для десятилетнего ребенка. Прошло несколько долгих мгновений. Тишина в комнате стала почти осязаемой.

— Я вижу... — неуверенно начал он. — Я вижу какую-то комнату. Но не белую. Там обои. Желтые. В цветочек. И окно. За окном дерево. Большое. Оно качается от ветра.

— Хорошо, — мягко подбодрил его Средний, стараясь не спугнуть рождающееся воспоминание. — Что еще? Что ты чувствуешь? Тепло или холодно? Пахнет чем-нибудь?

— Тепло, — ответил Младший, не открывая глаз. — Очень тепло. Даже жарко. Наверное, лето. Пахнет... бабушкой. Духами какими-то и еще тестом. Сладким тестом. Она печет что-то. А я сижу за столом и рисую. У меня краски. Акварельные. И кисточка. Я рисую дом. Дом с трубой, из которой идет дым. И еще собаку. Собака кривая получается, я злюсь.

По его лицу пробежала легкая улыбка. Это была первая настоящая, не испуганная и не натянутая улыбка, которую Средний видел у него с момента их пробуждения. Сердце Среднего сжалось от какого-то щемящего, ностальгического чувства. Он тоже почти видел эту комнату

— желтые обои, дерево за окном, акварельные краски. Или это была игра воображения, подстегнутого рассказом мальчика?

— А что было дальше? — спросил он. — Что-нибудь случилось?

Улыбка сползла с лица Младшего. Он нахмурился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.